

Литературная страница

А. КОСАРЬ.

Согра

(Из поэмы «Углеград»)

1.
Невысокая осока,
где шуршали жамыши,
шлестала однокожа,
влая, стариась до срока
в заболоченной глуши,
У Абушки — ни избушки,
ни зверушки, ни души...
Вдруг однажды у истока
удивленная осока
увидела шалаши.
И за сотни лет впервые
убеждается она:
оживают неживые
сказки ветра-шептуна.

2.
Где ветер гонялся во весь опор
по рощам чахлым берез,
сосед осоки — высокий копир
быстрее, чем в сказке, рос.
Бетоном скользкие спины глины
сковали мы на века,
и первые камни славой легли
в фундаменте рудника.
Вчерашний край — пустыней и дик-
неизвестным совсем:

здесь рудник родился, словно род-
ник,
в своей первозданной красе.
И там, где терка в осоке исток
гнила — Абараека,
грючечет живительнейший поток
кузбасского уголька.

3.
На славу согра выткана:
здесь город — младший брат.
Онами из-за Тыргана
многих Углеград.
Глядит, не находитесь.
Абу узнать нельзя.
Идут по шумным улицам
Приходкина друзья.
Отняла ночь распавлена
проходит стороной,
и Верна Николаевна
Ивана ждет дома.
Над старой осокой
скрипит сосновый мост.
Кругом — золотые
огни электровозов.

И ярче звезд Медведицы
величием труда
на лучшей шахте светится
шахтерская звезда.
Ее, птижонечную,
видят России всей.
В ней — сила жизни вечной,
Кузбасса гордость в ней.
Разбужены могучие
подземные пласти.
Сияет пятилучие
небесной звезды!

Михаил НЕВОГАТОВ.

Гурьевску

Сколько силы в душе человека,
Кто, забыв о покое ночей,
Не отходит утром до полвека
От пылающих жаром печей!
Будто в этом огне и мегалле —
Светлой юности чистый родник.
Будто сам он — из кованых стани.
Побеждающий время старик!
Не его ли большими руками,
На которых мозоли тверды,
Поднял Гурьевск в тайге

над веками,
Весь в луках серебра и руды.
Не его ли сыновья молодые —
Закаленный в работе отряд —
Множат славу свою по России,
Весенарное счастье творят?
Где бы ни была — везде и всегда я
Видел труд земляков дорогих.
Все, в чем держится крепость

литака,
Это — сила и молодость их.
Много лет я с тобою в разлуке.
И хотел бы вернуться опять,
Чтобы верных товарищ руки
От души, по-солдатски пожать.

Кузбасский пейзаж.

(Фотоэтюд).

Однажды ночью

(Рассказ)

Дед Назару — 70 лет, но он еще крепкий и удалый старик: ходит по-солдатски, ступает твердо, на всю ступню.

Руки у него редко бывают свободны. Он всегда что-нибудь делает. То веревки вьет, то короба пiletят, то убирает — на место лоска протыка — возьмет топор и начнет опасное место. То заметит, что поросшая поваленным лазить в колхозный огород, — нарубит прутьев и занесет лазейку. Понадуется ему на дороге железнка деревянная, гайка, болтик, гвоздь хороший, он обязательно поднимет и отдаст в кузину.

Часто дед назначают сторожить. Он хмурился, считая, что это дело тех, кто на другое неспособен, но не отказывается, идет.

Раз перед вечером, одевшись в полу-шубок из брезентового плаща дед Назар въехал бердану и попал на ток сторожить зерно. Только вышел из ворот — на встречу ему женщина с пустыми ведрами.

— Тыфу... Недрогкая тебя возьми! — обругалась она. — Откуда ты вылетела, скотина?

Дед верит, что, если встретишь женщину с пустыми ведрами, то немедленно скучится какая-нибудь неприятность.

Пришла на пост, дед осмотрел ток, подошел к большому вороту пшеницы и скрупульно покачал головой:

— Ах, ты, канальский паро! Верно не могли подобрать как надо!

Он поставил бердану, взял метлу и стал заматывать пшеницу. Старик усердно вытрясал зерна из каждой зернышки, прикрыл ворот соломой и не замстил, как наступила темнота.

Дед бросил метлу, сел на солому, вытер потный лоб рукавом, зажурил трубку, зажав ее в кулак, чтобы не выпала искра...

Было тихо. Дед отчетливо слышал, как в соломе поискивали мыши.

Проклятая зверинка! — ворчал он и был кулаком по тому месту, где возились мыши.

— Сколько вас поразведалось!

Навсегда с мышами, дед сидел, паскаясь трубкой, и, чтобы не дремать,

Иван ЕРОШИН.

Отчизне

Люблю я отчизну мою, ее голубые просторы
И это величье поэм — гигантские взнесенны горы.
Туда я ежотно иду, где труд ежедневный, упорный.
Как низы, там русская речь, слова — полновесные зерна.
На сплав, в рабакам я спешу, на рудник, в таежные пади,
Где просится рыб и зверь в мои черные тетради.
Богатства несметные народ, старатель с жизнью сурговой,
Долина и мрамор снегов, деревни под дымкой лиловой..
В народе великом, родном, в труде его, доблести, славе —
И думы, и счастье мое, и стихи мой в отменной стране.

★

очень болючemu месту. Носят он короткую, дырявую шубенку, испещренные сапоги и старую портняжевшую пыжку, одно ухо которой оторвано и болтается на пятачке. Левая щека у него вздута, отчего он, разговаривая, немного шепелявит.

— Не спится что-то мне. — заговорил Туркин, дробно стучал зубами. — Дай, думаю, пойду, проблажаю с девушкой Назаром. Чай, скучно ему одному.

— А тебе, видать, не скучно. — упрашивал его дед. — Люди спят, а ты блуждаешь. Пора теперь не гулять, — страдала склонившая голову.

— Сердце у меня нест, вот и гуляю.

— Отчего же оно у тебя нест?

— Да как же? Обеторили меня твариши правильные, кость им в горло.

— Чем же они тоби обидели?

— Известно чем. Все лето, можно сказать, с поля не сходил, а стала делить хлеб по трудодням — подимечка жертвовали. Мощенники они, вот что я скажу.

— Судя по всему, скажи, — дед.

— Да как же? — отвечал дед.

— А тебе, видать, не скучно. — упрашивал его дед.

— Ах, ты, дедушка Назар. Ты склонил голову.

— О, чую, говори, мешочка два...

— Стой, сам понимаешь... Тесенье ночи. Все склоняется...

— Зелья ли как мешочек два — да в кусти...

— Что-о?

— Нельзя ли, говорю, мешочек два...

— Ну, сам понимаешь... Тесенье ночи. Все склоняется...

— Понял, пошел от меня! Я те дам мешочек два! Ишь что выдумал! — Дед отскочил от Туркина, словно кто его ужалил.

— Я, конечно, только спросил, — услыхав голосом сказал Туркин. — Мне что. Раз нельзя, так нельзя. А напрасно. Тут его и тебе польза была. И в писанице сказано: «Работай да приворовывай — корыслом будешь жить».

— Ну-ну, толкуй, — перебил его дед.

— Упакованным голосом сказал Туркин. — Мне что. Раз нельзя, так нельзя. А напрасно. Тут его и тебе польза была. И в писанице сказано: «Работай да приворовывай — корыслом будешь жить».

— Ах, ты... работнику! — сердито кричал дед. — Он, стервец, не понимает, что зерно-то лежит не на току, а у меня в кармане.

— Е. МАГИН.

А. ЕФИМОВ.

Город-сад

«Здесь будет город-сад!»

(В. МАЯКОВСКИЙ).

Проходит старый большевик,

сидится в первый ряд.

Сосед припомнит в этот миг:

— «Здесь будет город-сад!»

Сад-город будет выстроен!

Зал бесконечно стих,

Гремит со сцены искриний

непроторимый стих.

Слова на сердце падают.

Приходит счастье в них.

Нежданно наградой

Звучит чудесный стих.

В нем мысл и слово каждое

поет и славит их.

Нет, не скрывая, с жаждою

открывшийся родник

ты, проходящий кручею

в извиданную вью,

ты, создающий лучшую

и радостную жизнь.

Еще не все упрочено:

леса стоят и ждут.

— «Темно свинцовочное,

и дождик толст, как ягут,

Волной слов отброшены,

упалы стены вдруг.

Встаёт в ночи некошенный

сырой, золотой луг.

Властит стеклянкой гладкою

болотной воды.

Под мокрою палаткою

ютились мы тогда.

Но, выного не сломленный,

весь в зареве идет

могучий, гордый, доменный!

За цехом цех растет.

...И слышен шепот гордый...

Огни бледней горят.

Встаёт над новым городом

иильская зари.

Весь залив

светом розовым

зеленый город-сад.

На цвет,

на лист бересовый,

на все легла роса.

Стоят дома шалерами,

нарядны и свежи.

Меж парками и скверами

Аба светла бахит.

Цветущую акацией

Донь гранил им в глаза...

Горячую овацией

Чтению ответил зал.

Плаком недослушанной

не обретется стих.

Конец, какой он нужен им.

в руках у них самих.

Всегда сердца их будит

немоющаяся песня:

«Я знаю — город будет,

я знаю — саду цветет,

когда такие люди

в стране советской есть».

(Из поэмы «Две крепости»).

г. Стаминск.

В. СМИРЕНСКИЙ.

В праздник

Я выглянула в окно,

А у ворот — народ.

Стоит боец с гармошкой,

Играет и поет.

Властит его медали

От солнечных луч

